

DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-72-80

Д. Л. Рясов¹*Дом Н. В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека (Москва)***М. А. Шеленок²***Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
(Санкт-Петербург)*

ОБРАЗЫ КЛАССИКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДМИТРИЯ БОРИСОВА «КАМЕР-ЮНКЕР» И «ПУШКИН У ГОГОЛЯ»

Мы анализируем повесть «Камер-юнкер» и рассказ «Пушкин у Гоголя» саратовского писателя Д. М. Борисова, напечатанные в 1937 г. В этих произведениях автор стремился творчески осмыслить яркие моменты биографии классиков, но подвергся тогда жестокой идеологической критике. Статья посвящена пересмотру тех несправедливых оценок.

Ключевые слова: писатель Дмитрий Борисов, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, художественная интерпретация

D.L. Ryasov*House of N. V. Gogol – Memorial Museum and Scientific Library (Moscow)***M.A. Shelenok***St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (Saint-Petersburg)*

IMAGES OF CLASSICAL WRITERS IN DMITRY BORISOV'S WORKS "CHAMBER JUNKER" AND "PUSHKIN AT GOGOL'S"

We analyze the novella "Chamber junker" and the short story "Pushkin at Gogol's" by a Saratov writer D. M. Borisov, published in 1937. In these works the author tried to creatively comprehend the bright moments of the biography of the classical writers, but then he was subjected to severe ideological criticism. The article is devoted to the revision of those unfair assessments.

Keywords: writer Dmitry Borisov, N. V. Gogol, A. S. Pushkin, artistic interpretation

В наши дни имя Дмитрия Михайловича Борисова (1885–1948) практически неизвестно читателям. Между тем, он был заметным участником литературной жизни г. Саратова в 1920–1930-е годы. Свой творческий путь он начал до революции как журналист, а впоследствии обратился к художественной прозе. Пер-

¹ Даниил Леонидович Рясов – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом Гоголя»; ryasovdaniil@yandex.ru.

² Михаил Алексеевич Шеленок – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; shelenokmishka@rambler.ru.

вый сборник его рассказов под заглавием «Голгофа» вышел в 1922 г. В том же году Борисов дебютировал как драматург: отдельными изданиями вышли пьесы «Великий предтеча» и «Пленные души» [об этом см.: Рясов, Шеленок, 2023]. Позднее, в 1926 г. появилась «историческая хроника» Борисова «Властители и чудотворцы (Илиодор, Гермоген и Распутин)» – как свидетельство интереса автора к событиям недавнего прошлого. Вел он и редакторскую работу. В 1925 г. Борисов подготовил любопытное издание – справочник «Весь Саратов», содержащий очерки о городе, данные о местных учреждениях, всевозможную рекламу и другую актуальную тогда информацию. В 1930-е годы он стал членом редколлегии альманаха «Литературный Саратов», где в № 3/1937, посвященном пушкинскому наследию, были напечатаны его повесть «Камер-юнкер» и рассказ «Пушкин у Гоголя».

Тогда особое внимание к Пушкину было обусловлено тем, что в феврале вся культурная общественность СССР отмечала столетие смерти классика. Так, 10 февраля вышел солидный тематический номер «Литературной газеты» с публикациями В. Вересаева, С. Маршака, А. Фадеева, К. Федина, К. Чуковского, М. Шагинян [см.: Литературная газета, 1937]. В честь поэта устраивали торжественные митинги, переименовывали улицы и, конечно, выпускали книги, посвященные его жизни и творчеству. В их ряду стоит назвать саратовское издание «А. С. Пушкин. 1827–1937. Сборник статей и материалов», включавшее ряд любопытных изысканий, а среди них, например, работу А. П. Скафтымова «Пушкин – поэт гуманизма». Отдельные эпизоды жизни классика (в частности, его отношения с Н. В. Гоголем) побудили к творчеству и Дмитрия Борисова. К сожалению, критика оказалась немилостива...

15 мая 1937 г. в «Литературной газете» вышла заметка А. Жучкова «Литературный и идейный брак». Начиналась она разбором повести «Камер-юнкер», о которой, в частности, говорилось: «Бесцветность изобразительных средств, многословность – вот какие черты характеризуют повесть. Чувствуется, что Борисов писал повесть наспех, кое-как, без серьезного и вдумчивого отношения» [Жучков, 1937, с. 6]. Уточним, что критика касалась работ не только Борисова, но и других авторов альманаха, в том числе поэтов В. Земного, Н. Королькова, И. Москвичева, Б. Озерного, а также работы Саратовской писательской организации в целом. Основной же уничижительный посыл статьи Жучкова был направлен против повести «Крутая ступень» Иосифа Кассиля (младшего брата Льва Кассиля). Она прямо называлась «политически вредной», содержащей «контрреволюционный выпад» [Там же]. Таким образом, этот выпуск альманаха буквально сразу обрел дурную репутацию.

Обвинения продолжил двумя статьями в городской газете «Коммунист» некто А. И. Лебедев. В одной из них он, в частности, нелестно высказался лично о самом Д. Борисове и его прошлых драматургических опытах, потом перешел к повести «Камер-юнкер», которая «получила исчерпывающую оценку в “Литературной газете” и в рецензии Гослитиздата как халтурное, безграмотное произведение. То же можно сказать и о последних его “прозаических” произведениях “Пушкин у Гоголя” и “Доктор Кострицин”», – недоброжелательно подытоживал Лебедев [цит. по изд.: Кирюхин, 2014, с. 196].

В итоге, разразившийся в Саратове скандал привел к трагическим последствиям. И. А. Кассиль был арестован и в 1938 г. расстрелян. Краевед и журналист Алексей Голицын, посвятивший тем событиям ряд изысканий, отмечает: «Дело антисоветской группы писателей, которую “возглавлял” Иосиф Кассиль <...> обнаружить пока не удалось» [Голицын, 2017, с. 198]. Большинство же других авторов сумели избежать этой участи, в том числе и Д. Борисов.

Его произведения о судьбах деятелей «золотого века» русской литературы довольно занимательны. Так, повесть «Камер-юнкер», символично открывшая тематический номер альманаха «Литературный Саратов», была посвящена известному эпизоду биографии Пушкина, когда ему в 1834 г. пожаловали звание, не соответствующее ни возрасту, ни положению поэта. Этот факт приведен и в других публикациях 1937 г. (например, в юбилейных выпусках «Литературной газеты» и «Правды») как яркий пример унижения творца царским режимом.

Так, В. В. Вересаев в книге «Спутники Пушкина» отмечал, что «камер-юнкеры были обыкновенно очень еще молодые люди, и тридцатипятилетний, уже седеющий Пушкин должен был производить в их толпе очень смешное впечатление» [Вересаев, 1937, с. 426–427]. В саратовском сборнике «пушкинских» материалов и статей тоже говорилось об этом. В завершающем книгу очерке «Недорисованный портрет» (автором был не кто иной, как И. А. Кассиль) анализировалась трагедия Андрея Глобы «Пушкин» (1936). И среди прочего было сказано, что драматургу удалось «в первом акте отобразить, как придворные прихвостни издеваются над камер-юнкерским мундиром поэта» [Кассиль, 1937, с. 156].

В своей повести Д. Борисов подробно описывает именно этот эпизод и сопутствующие ему события, художественно реконструируя их, во многом домысливая детали. Поэтому повесть стала своеобразной вершиной творчества писателя – о чем свидетельствуют и стиль, и композиция текста. Он разделён на ряд небольших, но информативных глав, чтобы читателям было проще ориентироваться в непростой, насыщенной хронологии.

Герои повести – Пушкин и его окружение: супруга, друзья семьи, несколько братьев по перу – и «дворцовое» общество (в том числе император Николай I и глава жандармерии Бенкендорф). Сам факт присвоения унижительного, с точки зрения поэта, звания – точка пересечения нескольких сюжетных линий. Так, одним из ведущих является любовный конфликт. Автор показывает разочарование, кризис в отношениях между Пушкиным и Натальей Николаевной. Уже в начале первой главы обращает на себя внимание тон, которым герой реагирует на стук в дверь: «...раздался явно недовольный голос: / – Это ты, Nathalie?» [Борисов, 1937, с. 5]. Но в дальнейшем поэт проявляет себя как искренне любящий муж. Он нежно заботится о Наталье (особенно это заметно в эпизоде разговора про выкидыш) и в то же время страстно ревнует. При этом следует понимать, что жена перестала вдохновлять поэта. Она для него более не муза! Это показано в первой части главы «В зимнюю ночь», где Пушкин с особым чувством, с невероятной тоской и теплом вспоминает об А. П. Керн.

Сама Гончарова-Пушкина показана автором как ветренная, капризная, меркантильная особа. Творчество мужа ее интересует лишь с коммерческой точки зрения. Это становится очевидно, когда она говорит с А. О. Смирновой-Россет:

«Смирнова взглянула на нее с чуть заметной насмешкой:

– Мне кажется, Nathalie, ты сама виновата в этом. Помнишь, как-то он начал нам читать свое стихотворение, а ты, прервав его, сказала: “Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами”.

– Но то были стихи, – улыбнулась Наталья Николаевна. – Он действительно надоел мне со стихами, но он читал тебе повесть. Скажи, ему хорошо за нее заплатят?

– Не знаю, право, – уклончиво ответила Смирнова. – Это меня менее всего интересует.

– А для меня это самое важное, – сказала Наталья Николаевна. – Ведь ты знаешь <...> нужны большие деньги. Я заказала себе бальное платье...» [Там же. с. 8].

Другой пример безразличия жены к творчеству мужа – эпизод, когда «взбужденный, с горевшими глазами, как всегда бывало у него в минуты вдохновения» Пушкин читает Наталье стихотворение «Пора, мой друг, пора!»:

«– Ну, как стихи?

– Недурны. Только я плохо слушала. Сестры не выходят из моей головы <...> Я думаю взять их в Петербург, к себе. Их можно будет устроить во дворце фрейлинами, а затем выдать замуж.

Пушкин был поражен» [Там же, с. 22].

За спиной мужа Наталья фактически шантажирует издателей, требуя от них всё больших денег за право публикации пушкинских рукописей, а самого супруга попрекает за то, что у него нет официального статуса, позволяющего бывать на императорских балах. Таким образом, Борисов подчеркивает губительное влияние жены на гения, преждевременно ушедшего (еще раз напомним, что повесть опубликована в номере, посвященном столетию кончины поэта).

Другой ведущий конфликт – отношения между художником и властью – сопряжен с любовным. Автор намекает на своеобразный треугольник: Пушкин – Гончарова – Николай I. Зная о симпатиях императора к своей супруге, поэт видит в звании камер-юнкера насмешку и над тем, что этот чин дан ему не по возрасту, и над тем, что царь может теперь официально приблизить к себе Наталью, сковав мужа церемониальными обязательствами.

Очевидно, Борисов основательно изучил биографию поэта. Хорошим подспорьем для этого мог быть двухтомник «Пушкин в жизни», где приведена, в частности, запись из пушкинского дневника: «...двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». Там же практически дословно передан и рассказ П. В. Нащокина о том, как А. Х. Бенкендорф при общении с Пушкиным «предлагал ему камергера, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: “Вы

хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера”» [Вересаев, 1936, с. 191–192]. В повести есть и эпизод беседы жены поэта с книгопродавцем А. Ф. Смирдиным о продаже очередной поэмы мужа за более солидную сумму (о чем уже упоминалось), и другие мелкие детали, которые, безусловно, оживляют историю, делают её более правдоподобной.

Само же светское общество изображено шаблонно: лживые, праздно живущие, злые на язык сплетники, среди которых Наталья чувствует себя, словно рыба в воде. А вот Бенкендорф, хотя он традиционно показан лукавым царедворцем, особых интриг и хитросплетений не создает. Главная роль здесь принадлежит Николаю I. Его образ получился двойственным (возможно, это и послужило причиной идеологических нападков советской критики на повесть). С одной стороны, отражением его деяний стало всё отрицательное в дворянском обществе. С другой – царь показан рассудительным, адекватно мыслящим. Свой поступок с Пушкиным он искренне считает справедливым, на законных основаниях допуская в высший свет поэта, из-за «вольного поведения» и дружбы с декабристами недостоинного более высокого звания.

Пушкин же противопоставляет себя «дворцовому обществу». Он подчеркнуто нарушает правила этикета, слышит в обществе лишь насмешки и заговорщицкий шепот. Попытки вырваться за пределы не только императорского дворца, но и всей столицы сближают его образ с типичным романтическим персонажем, который вечно сам «ищет бури». Чрезмерная эмоциональность мешает поэту трезво взглянуть на действительность, и он жалуется Вяземскому на «миллион терзаний» [Борисов, 1937, с. 19]. А Жуковский в своих наставлениях Пушкину неоднократно замечал, что тот мечется из крайности в крайность, позабыв о благородии. По-видимому, Борисов придает своему герою черты Чацкого, преувеличивавшего многие проблемы (горе / терзания). Произнося разоблачительные монологи о высшем свете (и даже незаслуженно оскорбляя добродушного Жуковского, который прикладывал все усилия, чтобы погасить возникшие конфликты), поэт не видит реальности, что побуждает его к необдуманным решениям (например, отправить письма, вызвавшие гнев царя). Но если Чацкий был вынужден бежать из фамусовского круга, то Пушкин в повести Борисова смиряется и уже не надуманно, а реально унижается перед императором ради того, чтобы «сгладить» ситуацию. Тем драматичнее воспринимается финал произведения (глава «В тоскливом одиночестве»), когда поэт видит беспокойный сон, свидетельствующий, что он не уверен в осуществлении своих творческих замыслов.

Таким образом, Борисов показывает, как любовный конфликт, отношения художника и власти, торжество эмоций над разумом и душевный кризис разрушают личность поэта, а тем самым – и его гений.

Рассказ Борисова «Пушкин у Гоголя» позволяет читателю как бы «заглянуть в творческую лабораторию» классиков русской литературы. Здесь Гоголь – молодой, но уже известный писатель, создавший «Вечера на хуторе близ Диканьки», – вначале трудится над книгой по истории, затем над комедией «Вла-

димир третьей степени», однако работа не ладится. Далее он задается вопросом, «что получится из того, если комедия не будет играть? Ведь пьеса живёт только на сцене» [Борисов, 1937, с. 145]. Задумавшись о цензуре, Николай Васильевич решает отправиться к Пушкину – своему другу и кумиру юности, чтобы попросить совета, но, уже собравшись, чувствует недомогание и остается дома. Тут он начинает вспоминать свои встречи с Пушкиным и его мудрые наставления: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего как живого не приняться за большое сочинение?» [Там же, с. 146]. Затем писатель проваливается в фантазмагорический сон, где видит Пушкина – «...мятущегося, спасающегося от какой-то погони. Одновременно выплыли, словно из тумана, отвратительные хари, свиные морды, замелькали генеральские мундиры, эполеты, мантии...» [Там же]. Проснувшись поутру, Гоголь с удивлением узнает, что к нему пришел сам поэт, чтобы прочесть новую поэму «Медный всадник». Как замороженный Николай Васильевич слушает Пушкина, обсуждает с ним стихи, а потом, после его ухода, вдохновенно принимается творить.

Примечательно, что ключевая роль здесь отдана именно Гоголю, чей внутренний мир открыт: читатель узнает его мысли, чувства, переживания. Помыслы же Пушкина остаются неизвестны, хотя приводятся его высказывания, оценки, описаны отдельные реакции, подмечаемые Гоголем во время разговора. Он – ученик Пушкина – видит поэта идеалом, почти божеством. Недаром ближе к финалу рассказа тот предстает в истинном величии: «...был прекрасен, как олимпийский бог» [Там же, с. 150], – хотя это случится единожды, в момент воодушевляющего разговора.

Если говорить о том, насколько содержание соответствует определенным историческим реалиям, то, как и в повести «Камер-юнкер», многие детали рассказа соответствуют известным, задокументированным фактам. Это касается, например, приведенных цитат о неоконченной комедии или о совете Пушкина взяться за большой литературный труд. Таково же упоминание зеленого фрака с длинными фалдами или гоголя-моголя, который Николай Васильевич, судя по воспоминаниям, действительно любил. Автор мог опираться на труд В. Вересаева «Гоголь в жизни», где подобные эпизоды и детали, разумеется, были упомянуты. При этом Борисов смело соединяет эпизоды, относящиеся к разным периодам жизни Гоголя, не забывая добавить и долю художественного вымысла. Оттого несколько спорные утверждения о крепкой дружбе классиков кажутся в рассказе вполне органичными.

Кстати говоря, они могли быть навеяны воспоминаниями слуги Гоголя – Якимя Нимченко, записанными Г. П. Данилевским и воспроизведенными в труде В. Вересаева: «Они так любили барина. Бывало, снег, дождь, слякоть, а они в своей шинельке бегут сюда. По целым ночам у барина просиживали, слушая, как наш-то читал им свои сочинения, либо читая ему свои стихи <...> Он с любовью следил за развитием Гоголя и все твердил ему: “пишите, пишите”» [Вересаев, 1933, с. 155]. А в рассказе Борисова поэт, прочитав поэму «Медный всадник»,

уходит, приветливо замечая другу: «К следующему разу приготовь свое... Приду слушать. Пиши только, не ленись!» [Борисов, 1937, с. 151]. Заметим, что Гоголь мог знать поэму Пушкина в конце 1833 г., но, по существу, неизвестно, познакомился ли тогда с ней действительно. Рассказ Борисова и посвящен одному из возможных обстоятельств этого.

Поэтому чтение поэмы (ключевой эпизод) изображено во всех подробностях. За фрагментом стихов из «Медного всадника» следует реакция Гоголя на него, и так повторяется последовательно несколько раз. Пушкинские стихи вызывают в сердце молодого писателя бурю эмоций и вопросов: «Какие слова, какие выражения, – думал Гоголь, – огни, а не слова вылетают из его уст, как от древних пророков. Но какой смысл в них?» [Там же, с. 148]. По мысли автора, будущий создатель «Мертвых душ» из всех сил стремится разгадать эту тайну.

Очевидно, рассказ Д. Борисова не так уж примитивен, как полагал товарищ Лебедев из газеты «Коммунист». Приведем современный отзыв доктора филологических наук, профессора СГУ им. Чернышевского А. И. Ванюкова, который утверждает, что в рассказе: «художественно, глубинно отразились “конвенция времени” (“пушкинский” 1937 год) и традиции классического русского рассказа, история и современность, грани биографий и мифа, слово и тайна...» [Ванюков, 2014, с. 139]. Это произведение во многом посвящено таинству творческого процесса, зарождению по-настоящему глобального замысла. Сначала возникает образ юноши, что «украдкой разучивал наизусть творения Пушкина и тщательно переписывал на лучшей бумаге, с собственными рисунками, выходявшие в то время на свет поэмы <...> и главы из “Евгения Онегина”» [Борисов, 1937, с. 144]. И поэт уже тогда «посетил» Гоголя-гимназиста – правда, лишь в своих произведениях. Направляемый гениальным пушкинским словом, юный автор стал делать успехи на литературном поприще, пришел к «Вечерам» и «Миргороду». А новая встреча знаменует собой очередной созидательный этап в жизни художника. Теперь уже не юноша, а молодой талантливый сочинитель сам беседует со своим кумиром, тревожно вслушиваясь в чтение поэтом своего нового шедевра, буквально впитывая каждое слово.

Эта встреча и откровенный разговор с Пушкиным приводят Гоголя к подлинному вдохновению, желанию работать с удвоенной силой: «В голове вспыхивали и проносились, как молнии, мысли, тело оплеталось волной неизъяснимого трепета» [Там же, с. 151]. Да и сам Пушкин, как показано автором, находит в общении с Гоголем немало ценного. Недаром поэт называет его «прозорливцем», чувствующим куда больше, чем все критики. Очевидно, диалог настоящих творцов не может проходить без взаимного обогащения новыми идеями и мыслями.

Важно и еще одно обстоятельство. Завершая разговор с Гоголем, Пушкин говорит, что следовало бы создать третью часть «Медного всадника», где были бы показаны «катастрофа... гибель властелина полумира. И освобожденный народ...» [Там же, с. 151]. Но поэт сетует, что эту часть поэмы он, по-видимому, никогда не завершит. Потом, когда Гоголь остается один, то говорит себе:

«Я совершу... Я совершу... Я дам миру такие же прекрасные произведения, как и Пушкин» [Там же]. И действительно, затем Николай Васильевич начинает энергично и упорно работать, исписывая «лист за листом», и может показаться, что финал рассказа духоподъёмен. Однако знание творчества Гоголя приводит к размышлениям о судьбе второго и третьего томов поэмы «Мертвые души», также не увидевших свет. А сопоставление с третьей частью поэмы «Медный всадник» заставляет задуматься о невозможности воплотить все замыслы, коих у подлинных талантов великое множество. Тем не менее, творцу нельзя «лениться» (как в шутку назидает Пушкин Гоголю), а нужно просто творить – несмотря на обстоятельства!

Немаловажен вопрос о том, как связаны повесть и рассказ Борисова, которые были специально разделены в альманахе – поставлены в его начале и ближе к концу. Можно догадаться, что время действия в рассказе предшествует событиям, описанным в повести, в декабре 1833 г. К этому времени относится знаменитый отрывок, озаглавленный как «1834». Создавался он незадолго до Нового, 1834 года, и оттуда в рассказ перекочевали слова «Я совершу... Я совершу!» А события в повести происходят «с 1 января по 1 июля 1834 года» [Борисов, 1937, с. 5]. Похож в этих произведениях и образ Натальи Николаевны: после первой встречи она представлялась Гоголю «с осанкой богини, но с душою холодной, завистливой и ничтожной» [Там же, с. 146]. Те же черты характеризуют ее в повести «Камер-юнкер» [Там же, с. 5, 8, 22]. Сопоставимы и описания «дворцовой великосветской черни» в видении Пушкина и во сне Гоголя [Там же, с. 146]. При этом Гоголь выглядит если не «провидцем», то, по крайней мере, человеком с огромной интуицией, – еще один штрих к портрету великого писателя.

В заключение следует сказать, что Д. М. Борисов был, безусловно, одаренным писателем, чьи произведения, скорее всего, могут найти своего читателя и в наши дни. Художественное осмысление этим автором творчества русских классиков весьма оригинально, и, говоря о восприятии литературы «золотого века» в 1920–1930-е годы (особенно в региональном аспекте), учитывать его произведения, безусловно, стоит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов, Д. М. Камер-юнкер; Пушкин у Гоголя / Д. М. Борисов // Литературный Саратов. – 1937. – №3. – С. 5–39; 143–151.

Ванюков, А. И. Слово и тайна / А. И. Ванюков // Волга – XXI век. – 2014. – № 7–8. – С. 139.

Вересаев, В. В. Гоголь в жизни: Систематич. свод подлинных свидетельств современников: с илл-ми на отд. листах / В. В. Вересаев. – Москва; Ленинград: Academia, 1933. – 572 с.

Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: Систематич. свод подлинных свидетельств современников: с илл-ми на отд. листах: в 2 т. Т. 2 / В. В. Вересаев. – Москва; Ленинград: Academia, 1932. – 488 с.

Вересаев, В. В. Спутники Пушкина: в 2 т. Т. 2 / В. В. Вересаев. – Москва: Советский писатель, 1937. – 489 с.

Голицын, А. Кто убил Кассиля? / А. Голицын // Зная. – 2017. – №6. – С. 175–199.

Жучков, А. Литературный и идейный брак / А. Жучков // Литературная газета. – 1937. – № 26 (662). – 15 мая. – С. 6.

Кассиль, И. А. Недорисованный портрет / И. А. Кассиль // А. С. Пушкин. 1837–1937: Сб. статей и мат.-лов. – Саратов: Сарат. обл. изд-во, 1937. – С. 152–157.

Кирюхин, Н. Страшные годы. Пережитое / Н. Кирюхин // Волга. – 2014. – № 11–12. – С. 136–203.

Рясов, Д. Л. Конфликты и характеры в пьесах саратовского драматурга Д. Борисова «Великий предтеча» и «Плененные души» / Д. Л. Рясов, М. А. Шеленок // Изв. Волгоградского гос. соц.-пед. ун-та. Филолог. науки. – 2023. – № 1 (1). – С. 139–144.

Литературная газета. – 1937. – №8 (644). – 10 февраля. – 8 с.

REFERENCES

Borisov, D. M. Kamer-yunker; Pushkin u Gogolya / D. M. Borisov // Literaturnyj Saratov. – 1937. – №3. – S. 5–39; 143–151.

Golicyn, A. Kto ubil Kassilya? / A. Golicyn // Znamya. – 2017. – №6. – S. 175–199.

Kassil', I. A. Nedorisovannyj portret / I. A. Kassil' // A. S. Pushkin. 1837–1937: Sb. statej i mat.-lov. – Saratov: Sarat. obl. izd-vo, 1937. – S. 152–157.

Kiryuhin, N. Strashnye gody. Perezhitoe / N. Kiryuhin // Volga. – 2014. – № 11–12. – S. 136–203.

Literaturnaya gazeta. – 1937. – №8 (644). – 10 fevralya. – 8 s.

Ryasov, D. L. Konflikt i haraktery v p'esah saratovskogo dramaturga D. Borisova «Velikij predtecha» i «Plenennye dushi» / D. L. Ryasov, M. A. Shelенок // Izv. Volgogradskogo gos. soc.-ped. un-ta. Filolog. nauki. – 2023. – № 1 (1). – S. 139–144.

Vanyukov, A. I. Slovo i tajna / A. I. Vanyukov // Volga – XXI vek. – 2014. – № 7–8. – S. 139. – imeetsya v vidu vstupitel'naya stat'ya k republikacii rasskaza, ona zanimaet vsego odnu stranicu.

Veresae, V. V. Gogol' v zhizni: Sistematch. svod podlinnyh svidetel'stv sovremennikov: s ill-mi na otd. listah / V. V. Veresae. – Moskva; Leningrad: Academia, 1933. – 572 s.

Veresae, V. V. Pushkin v zhizni: Sistematch. svod podlinnyh svidetel'stv sovremennikov: s ill-mi na otd. listah: v 2 t. Т. 2 / V. V. Veresae. – Moskva; Leningrad: Academia, 1932. – 488 s.

Veresae, V. V. Sputniki Pushkina: v 2 t. Т. 2 / V. V. Veresae. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1937. – 489 s.

Zhuchkov, A. Literaturnyj i idejnyj brak / A. Zhuchkov // Literaturnaya gazeta. – 1937. – № 26 (662). – 15 maya. – S. 6.